

5. Zenkovskiy, S.A. Russkoe staroobryadchestvo. V dvukh tomakh / Sost. G.M. Prokhorov. Obshch. red. V.V. Nekhotina. M.: Institut DI-DIK, Kvadriga, 2009. – 688 s.
6. Kondratev, A. «Psikhotekhniki i kult russkikh misticheskikh sekt» // Sayt «Velesova Sloboda», 75 s.
7. Kononov, D.G. Religioznyy ekstaz v russkom misticheskom sektantstve / D.G.Kononov. – Sergiev Posad, 1908.
8. Melnikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). Na Gorakh. V dvukh knigakh Kniga vtoraya. M.: Pravda, 1988. – 512 s.
9. Melnikov, P.I. Taynye sekty. Poln. sobr. soch. – SPb., 1909. – Т.6. – S. 251–299.
10. Milyukov, P.N. Ocherki po istorii russkoy kultury. Izd. 4–e. SPb, 1905. Ch. II. – S. 107–110
11. Nikolskiy, N.M. Istoriya russkoy tserkvi. – 3–e izd. – M.: Politizdat, 1983. – 448 s.
12. Panchenko, A.A. Khristovshchina i skopchestvo: Folklor i traditsionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt / A.A. Panchenko. – 2–e izd. – M.: OGI, 2004. – 541, [3] s.
13. Reutskiy, N. Lyudi bozhi i skoptsy / N. Reutskiy. – M., 1872;
14. Russkoe pravoslaviye: vekhi istorii / Nauch. red. A.I. Klivanov. – M.: Politizdat, 1989. – 719 s.
15. Syutkina, O. Nepridumannye istorii russkoy kukhni / Olga Syutkina, Pavel Syutkin. M.: Astrel : CORPUS, 2011. – 512 s.
16. Taevskiy, D. Sekty mira / D. Taevskiy. – Rostov n/D.: Feniks, SPb.: Izdatelstvo «Severo–Zapad», 2007. – 571 s.
17. Tiflov M., svyashch. Olenichevskie khlysty. / Astrakhanskije eparkhialnye vedomosti, 1892. – № 6.
18. Tiflov M., svyashch. Tsarevskie khlysty. / Astrakhanskije eparkhialnye vedomosti, 1890, №№ 8, 9, 11.
19. Torchinov, Ye.A. Religii mira: Opyt zapredelnogo. Psikhotekhnika i transpersonalnye sostoyaniya. – 4–e izd. – SPb.: «Azбука–klassika», «Peterburgskoe vostokovedenie», 2005. – 544 s.
20. Frolov, V. Oblichenie na raskolnikov // Bratskoe slovo. 1894. T, 1. S. 478 i sl.
21. Shapar, V.B. Sekty – ugroza natsionalnoy bezopasnosti Rossii. /V.B. Shapar. – Rostov n/D.: Feniks, 2007. – 352 s.
22. Shchapov, A. Umstvennyye napravleniya russkogo raskola. // Delo. – 1867. – №10. – S.319–348, № 11. – S.138–168, № 12. – S. 170–200.
23. Etkind. A.M. Khlyst: Sekty, literatura i revolyutsiya / Aleksandr Etkind. – Izd. 2–e, sokr. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 644 s.
24. Vikipediya – svobodnaya entsiklopediya [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://ru.wikipedia.org/wiki,svobodnyy>. – Zagl. s ekrana.

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Дибраев Афсаладдин Дибрахмедович, кандидат философских наук, доцент

Дагестанская государственная медицинская академия
367001, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ленина, 1
E-mail: alikdibraev@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы становления в Дагестане общегражданской идентичности. Автор исходит из двух толкований этноса и нации – конструктивизма и примордиализма, отдавая предпочтение примордиалистской концепции. На примере Дагестана показано соответствие этнической культуры данной концепции. Критически оценивая мультикультурализм, автор рассматривает перспективы этнической культуры в формировании гражданской нации. Этнические (народные) культуры возникли в древности вместе с этносами. Их исторически первая форма это племенная культура. Этническая культура несет в себе традиции предков, охватывающие главным образом сферу труда и быта: ее черты проявляются в особенностях пищи и одежды, фольклора, народных промыслов, народной медицины и т.д. Обычно она складывается как культура устная, но с распространением грамотности постепенно облекается в письменные формы. Специфика этнической культуры в значительной мере обусловлена природной средой. В ней выражается вековой народный опыт жизни и рационального ведения хозяйства в данных условиях природы. *Вместе с тем в формировании этнической культуры особая роль принадлежит религиозным верованиям, а также исторической памяти этноса и мировоззренческим установкам.*

Ключевые слова: этнос, нация, гражданская идентичность, гражданское общество, конструктивизм, примордиализм

ETHNIC CULTURE AND CIVIL IDENTITY BECOMING

Dibraev Afsaladdin D., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Dagestan State Medical Academy
1 Lenin st., Makhachkala, 367001, Republic of Dagestan, Russian Federation,
E-mail: alikdibraev@mail.ru

The problem of becoming of common and civil identity in Dagestan is considered in the given paper. The author determines two interpretations of ethnic people and nation – constructivism and primordialism, preferring primordialistic conception. The conformity of ethnic culture of the given conception is shown on the example of the Republic of Dagestan. Appreciating multiculturalism critically, the investigator touches upon the perspectives of ethnic culture in civil nation's forming. Ethnic (national) culture originated in ancient times with ethnic groups. Their historically the first form of this tribal culture. Ethnic culture carries the traditions of their ancestors, which mainly involves field work and life: her features are manifested in the characteristics of food and clothing, folklore, folk crafts, folk medicine, and so on, it usually develops as an oral culture, but with the spread of literacy gradually clothed in written form. The specificity of ethnic culture is largely due to the natural environment. It expressed the secular people's experience of life and sustainable farming in these terms of nature. However, in the formation of ethnic culture special role of religious beliefs and historical memory of the nation and ideological settings.

Keywords: ethnic people, nation, civil identity, civil society, constructivism, primordialism

Этническая культура любого этноса – это результат его творческой жизнедеятельности, обеспечивающий его существование и социокультурное развитие. Формирование этнической культуры – это длительный и сложный социальный процесс, сопряженный с освоением территории, с адаптацией к природно-климатическим условиям, развитием языка, формированием быта и ведением хозяйства, установлением системы межличностных коммуникаций, возникновением городов, доминированием определенной формы религии, становлением того или иного типа экономики, системы образования, идеологии, воздействием политических факторов, психологических особенностей, стереотипов поведения, ментальных установок, взаимодействием с иными этносами и т.д.

Вместе с тем в формировании этнической культуры особая роль принадлежит религиозным верованиям, исторической памяти этноса, мировоззренческим установкам. В этнической культуре аккумулируется исторический, социальный опыт этноса, формируются его духовные, мировоззренческие, нравственные ценности и идеалы. Нередко этническая и национальная культура отождествляются, хотя они по своему содержанию различны и находятся в соотношении вида и рода. Национальная культура – по своему объему более общее понятие и оно вбирает в себя культуру того или иного этноса.

При этом, разумеется, надо исходить из того, что нация и этнос – различные социальные феномены. Если этносы представляют собой природой заданные «естественные общности», основанные на антропогенетических особенностях, в определенной степени самодостаточные, как показывает история, не имеющие государственности, точнее сказать, не нуждающиеся в государстве, то нации – исторически образованные собственно социальные формы более высокого общественного порядка. Нация – реальный продукт государства и политико-гражданское единство, внутренним регулятором которого является уже не обычай (как это имеет место в этническом сознании), а право.

Не все признаки этноса и нации однозначно и единодушно осмысливаются философами и этнологами. Polemika и дискуссии развернулись в рамках противостояния конструктивистской и примордиалистской концепций этноса. В первой концепции данные исторические общности представляются как социальные конструкции, возникающих как результат сознательных, целенаправленных искусственных образований самих людей – индивидов, государственных и негосударственных институтов. Кроме того, подчеркивается, что нация и этнос создаются для решения определенных задач, достижения конкретных целей. Наиболее авторитетный отечественный представитель конструктивизма В. Тишков обосновывает тезис о том, что этнос и нация как формы социально-культурных коалиций конструируются самими индивидами для достижения определенных целей, ибо «человек рождается и живет, прежде всего, не для служения группе/нации, а для собственного социального преуспевания» [8, с. 113].

Конструктивистской концепции этноса противостоит примордиалистская парадигма. Она исходит из того, что существуют вполне реальные этнические различия, как на материальном, так и на духовном уровнях, что свидетельствует о необходимости признания объективности этноса и субстанциональности этнического, отрицания понимания этнических феноменов как конструкторов. Пожалуй, такой подход к пониманию этих общностей, как мы думаем, – более основательный, опирается на многовековую историю человечества. Нам ближе такое понимание этноса: «этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы» [4, с. 103].

Основываясь на этом фундаментальном положении Л. Гумилева ряд исследователей обосновывает необходимость применения к исследованию феномена «этноса» социально-философских методов исследования, а именно антропологического подхода, ибо «сущность этноса сокрыта в человеке именно как личности... Не этнос формирует этничность индивидов, напротив – сам этнос рождается из этничности как антропологического качества» [7, с. 195–196]. Мы также считаем, что в определении, данном С. Рыбаковым, более полно раскрывается сущность этноса: «этнос – это общность людей на основе обеспеченного эндогамией и языком единства ценностного комплекса, которое символически выражается в стиле культуры и образе жизни» [7, с. 427].

Так или иначе, этнос – эта общность, являющаяся носителем определенной культуры. А сама культура – это функционально обусловленная система со своей структурой, внутренним механизмом самосохранения, адаптирующая своих членов к природной среде и социальному окружению. Этническая культура приспособливает представителей данного этноса к внешней реальности, реализуя его потребности.

По мнению Л.Г. Ионина, под этнической культурой понимается система определенных стереотипов, норм поведения представителей определенного этноса. Как известно, культура рассматривается как вторая природа, созданная в ходе системной деятельности человека, посредством которой осуществляется адаптация человека к природным условиям и общественной системе, благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется активность людей в обществе [5, с. 35].

Становление этнической культуры гармонично вписывается в концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева. Он исходит из примата природных факторов, ландшафта, трудовой деятельности, пассионарного подъема, надлома и упадка биосоциокультурного феномена. На основе этого этнос им определяется как группа людей, система, опирающаяся на ландшафт, придающий ей определенный энергетический импульс. Такой энергетический импульс, то есть пассионарный толчок, создает этнос, как следствие всплески этногенеза. А с растратой этой энергии этнос приходит в равновесие со средой, то есть переходит в гомеостаз [3, с. 411–412].

Примордиализм как концепция подкрепляется и тем, что особенность этнической культуры проявляется в исторически складывающихся своеобразии языка, фольклорных сюжетов, свадебных и похоронных обрядов, еды, одежды, жилища, народных промыслов, хозяйственной жизни, обыденных, научных знаний и пр. Во всем мире эти черты в большей мере сохранены в деревнях, нежели в городах. Это подтверждает и другое – этническая культура выступает как архаический слой культурной жизни этноса, несущая в себе весь опыт обычаев, традиций предков.

Эти теоретические положения философии этноса эффективны как методологические установки в политологическом анализе обозримого прошлого нашей страны и в выяснении роли этнической культуры в становлении гражданской идентичности. В постсоветском российском обществе определились две противоположные тенденции. С одной стороны происходит регионализация общественного сознания, которая стала реакцией на кризис общенациональной идентичности, возникший в результате распада СССР. Но к тому времени мир изменился – началась глобализация и этническая и национальная идентификация как принадлежность индивида к какому-либо этносу при всей своей определенности – по большому счету (и при всей нашей приверженности к примордиализму), стал субъективным выбором данного индивида, приписыванием и причислением самого себя к исторически устоявшемуся целому. У этого субъективного выбора есть объективная основа – общность происхождения, языка, территории, культурного уклада, религии. Однако в современном мире эта объективная основа все более размывается, зачастую индивид всего лишь «чувствует», интуитивно определяет свою этническую принадлежность.

Даже в условиях Дагестана индивиду скоро будет весьма непросто не только отстаивать, но и «знать» о своей этнической идентичности. Современная динамичная жизнь такова, что не всегда можно говорить об общности этнической территории – многие народы живут смешанно и чересполосно. И историческая судьба также зыбкий критерий этнического единства – она нередко оказывается достоянием не одного, а нескольких этносов, о ней многие представители этносов и не осведомлены. Социальные диалекты или массовый переход к иному языку как к родному (в Дагестане – к русскому) ставят под вопрос этнообразующую функцию и такого признака этноса, как общность языка. Этническая культура и фольклор также не всем доступны в повседневности, особенно в условиях города и все больше уходят в практически слабо востребованные литературу, театры и музеи.

Необходимость адаптации человека, людей к изменяющимся условиям их бытия, общественного производства и социального взаимодействия – основные факторы, детерминирующие возникновение и развитие этнической культуры. Генезис этнической культуры начинается в глубокой древности и представляет собой непрерывный процесс адаптации к внешним факторам, что происходит посредством осуществления коммуникации, рационализации и технологизации социальных явлений.

Закрепление культурных ценностей и моделей, их трансляция из поколения в поколение происходит в процессе жизнедеятельности и, в первую очередь, языкового общения членов этноса. К числу важнейших функций этнической культуры относится психологическая защита индивида. В ходе внешнего воздействия, внутренних социальных кризисов каждый этнофор испытывает внешнюю опасность для своей культуры, что принуждает его приспосабливаться к внешним угрозам, вырабатывая соответствующие защитные механизмы.

Дагестан специфичен поликультурной пестротой. Никто точно не знает, сколько народностей и этносов населяли и населяют его территорию – считается, не менее 100, говорящих на своих языках, соблюдающих свои обычаи, традиции и этические нормы. Их сплав получил название адатов. Адаты выражали и регулировали интересы и потребности предков дагестанцев веками и касались особой роли мужчины в обществе – власть отца проявлялась в его ответственности за благополучие всех членов семьи, его распоряжения выступали законом для семьи. Женщина–мать – хранительница семейного очага, она воспитывала дочерей в духе трудолюбия, скромности, верности, послушания и т.п. Несмотря на естественно–исторический реальный и стихийный характер формирования адатной культуры, ее элементы определяются сознательными и бессознательными пластами структуры личности. Этническое самосознание как феномен сознания и этническое бессознательное образуют такое социальное свойство личности как этничность.

Одновременно формировались народные традиции гостеприимства, развивалось куначество, была большая потребность в взаимопомощи, культивировалось почитание старших и т.д. Суровая жизнь выработала чувства альтруизма, терпимости, справедливости, осуждалось проявление эгоизма, равнодушия, трусости и т.д.

Те или иные элементы, в тех или иных формах имели место в культурной жизни и в быту дагестанцев вплоть до XX в. После развала СССР ценности социализма – советский патриотизм, коллективизм, деловая и производственная культура, европейские этикетные нормы и т.п., с которыми более семи десятилетий гармонировала адатская система дагестанцев, распались, уступили место новым культурным веяниям и вековые традиционные ценности. Также возросла роль исламской религии, ее праздники Ураза – Байрам, Курбан – Байрам, религиозную окраску обрели адаты, быт, одежда, образование. Широкое распространение получило паломничество в Мекку, другие святые места. Наши народы ждут очередную цивилизацию с духовным пространством, состоящем из разных религиозных элементов. Одновременно происходит, как пишет М.Билалов, «архаизация», «патриархализация» дагестанской культуры» [1, с. 100].

Но сегодня Дагестан, как и вся Россия, нацелена на строительство гражданского общества как определенного цивилизационного этапа современной истории человечества. Основное население Дагестана понимает, что его перспективы реальны лишь на пути техногенного развития, ускорения научно–технического прогресса, индустриализации, модернизации и информатизации, формирования и развития гражданского общества. Однако, многих в России пугает реальная духовная ситуация в Европе – крах западного мультикультурализма, разгул наркомании, однополых браков, эвтаназия и т.п. угрозы глобальной катастрофой. Все больше симпатий у этносов Дагестана к ценностям традиционной цивилизации – коллективизму, гармонии человека с природой, его самоограничению, опору на национальную культуру и другое, что всегда было фундаментальным для Дагестана и Северного Кавказа.

В поликультурной России и ее северокавказских республиках, в том числе Дагестане религиозная ситуация сложна. Рассматривая становление российской гражданской идентичности и нации, надо иметь в виду, что религии оказывают на общественную жизнь не только позитивное воздействие, но порою и отрицательное влияние. А в эпоху глобализации массовое перемещение и миграция многочисленных представителей этносов, смешанное проживание этногрупп как диаспор, когда объективно «колоссальное неравенство в условиях существования» [6], даже в условиях постмодернистской культуры, нивелирующей многие этнокультурные различия, религиозный фактор предстает как конфликтный заряд общества.

Такое наблюдается ныне в постсоветской России, когда религия может тормозить становление гражданского общества, гражданской нации, мультикультурализма и общенациональной

идентичности. Сложности и противоречия в общественной жизни новой России после возрождения религии показали, что дружба народов на расстоянии гораздо более бесконфликтно, почти беспроблемно, нежели жизнь вместе в условиях поликонфессионального общества.

Вдобавок ко всему, этническая принадлежность редко предстает как главный социальный статус и в силу его прирожденности, поскольку устанавливается по этнической принадлежности родителей, потому не контролируется индивидом, а приписывается ему. Поэтому мы считаем, что этнонациональная идентификация в современных условиях не предстает фактором, тормозящим становление гражданской нации и общероссийской идентичности. На этом социокультурном фоне можно говорить о другой тенденции – *постепенно, хотя с большим трудом, складывается российская общегражданская идентичность* [2, с. 61–72].

Не отрицая неплохие общемировые перспективы мультикультурализма (в том числе, в обновляемых его версиях), который, конечно же, концептуально выдержан в традициях либеральной демократии, в частности, на приоритете прав и свобод личности, думается, что, скорее всего, существует необходимость разработки собственной научной теории гармонизации национальных отношений в России, в том числе Дагестане и соответствующей ей программы жизнедеятельности общества на ближайший период и даже на отдаленную перспективу. Хотя в республике данный вопрос никогда не упускался из поля зрения, принят закон о республиканской целевой программе «Развитие национальных отношений в Республике Дагестан на 2011–2015 годы», но концептуальный подход к нему на уровне заметно слабее.

Список литературы

1. Билалов М.И. Дагестан в культуре и цивилизации/М.И. Билалов. Махачкала, 2010.
2. Билалов М.И. О перспективах становления гражданской нации в Дагестане / М.И. Билалов// Центральная Азия и Кавказ. СА&Press СС, Швеция. Том 15, выпуск 2, 2012.
3. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии/ Л.Н. Гумилев. – М.: Айрес–Пресс, 2011.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли/ Л.Н. Гумилев. – Л., 1990.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М., 2004.
6. Путин В.В. Россия: национальный вопрос/ В.В. Путин// «Независимая газета. – 2012. – 23 января.
7. Рыбаков С.Е. Философия этноса/ С.Е. Рыбаков. – М., 2001.
8. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально–культурной антропологии/ В.А. Тишков. – М., 2003.

References

1. Bilalov M.I. Dagestan v culture i civilizacii [Dagestan in culture and civilization]. Makhachkala, 2010.
2. Bilalov M.I. O perspektivach stanowlenija grajdanskoj nacii v Dagestane [About the prospects of a civil nation in Dagestan]. "Central Asia and the Caucasus. CA&Press.SS.,Sweden. Volume 15, issue 2, 2012.
3. Gumilev, L.N. Struna istorii. [String of history]. Lectures on Ethnology. – М.: Aires–Press, 2011.
4. Gumilev, L.N. Etnogenez i biosfera zemli. [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. – L., 1990.
5. Ionin L.G. Sociologia kulturi. [Sociology of culture]. – М., 2004.
6. Putin V.V. Rossiya: nacionalniy vopros. [Russia: the national question]// "Nezavisimaya Gazeta" – 2012. – January 23.
7. Ribakov S.E. Filosofiya etnosa. [Philosophy of ethnicity]. – М., 2001.
8. Tishkov V.A. Rekwiem po etnosu. [Requiem for the nation: Studies in socio–cultural anthropology]. – М., 2003.

КУЛЬТУРА ВИНА В КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ И КАЛЛИГРАФИИ

Сун Цзе, аспирант

Хайнаньский государственный университет
570228, КНР, провинция Хайнань, г. Хайкоу, р-н Мэйлань, остров Хайдяньдао,
ул. Народный Проспект
E-mail: <mailto:caomenged@list.ru>

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент

Каспийский институт морского и речного транспорта
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14
E-mail: irenalebedeva@mail.ru